

ным увлечением, целчком войдя в образ. Она даже глядит вверх, словно сквозь толщу воды различает фигуру Садко, сидящего там, на берегу, видит струящийся солнечный свет. И в том, как Морская царевна, стоя в полутьме кулис, сулит Садко счастье, богатство и победу, есть что-то от увлеченности, горячей веры и надежд молодых строителей замечательного новаторского оперного театра Мамонтова в пору его расцвета — того театра, где Шаляпин и Забела пели премьеры опер Римского-Корсакова в оформлении Серова, Коровина, Васнецова.

Очень выразительно передает Гриценко отношение Забелы к Римскому-Корсакову — «благодарную нежность и восхищение», о чем писала сама певица в письме к композитору.

Она смотрит на Римского-Корсакова счастливыми, восторженными, даже чуть испуганными глазами. И глубина ее благоговения к Римскому-Корсакову помогает нам ощутить значительность и обаяние личности великого человека.

Но есть в роли Забелы и неудавшиеся места. Не удовлетворяют в исполнении Гриценко куски из «Золотого петушка». Ее Шемаханская царица не несет в себе скрытой жестокой силы коварства и бездушия. Порой она похожа на капризную, злую и вздорную девчонку. Это слишком мелко для сказочного образа губительной красоты, созданного Пушкиным и Римским-Корсаковым.

Не удался Гриценко и эпизод, где Забела говорит Римскому-Корсакову о своих горестях, о закрытии театра, о болезни мужа. Здесь актриса жалеет себя, «играет чувство», и эпизод звучит сентиментально, заканчиваясь театрально-порывистым движением, с которым Гриценко склоняет голову на рояль, словно пытаясь сдержать и спрятать хлынувшие из глаз слезы.

А вслед за этим у нее есть прекрасный немой кадр, где она, сидя на банкете рядом с Врубелем, тревожно следит за ним, не спускает с него глаз, готовая каждую минуту притти на помощь, защитить, оберечь, успокоить находящегося в тяжелом нервном состоянии мужа. Здесь Гриценко строит жизнь образа на основе острого внутреннего действия, и вы верите актрисе, сочувствуете ей, в то время как в упомянутом эпизоде с Римским-Корсаковым она занята показом «состояния», «чувства», и это оставляет зрителя холодным.

Во многом здесь повинен сценарий фильма, не дающий актрисе четкой, непрерывной линии развития образа, настоящей глубины раскрытия творческой и человеческой личности Забелы.

Неудачные частности не очень заметны в этой в основном очень удачной работе Гриценко. Но на них следовало остановиться, так как они свидетельствуют о недостатках талантливой актрисы, с которыми ей необходимо бороться и которые особенно наглядно сказались в ее работе над образом Ларисы в театральном спектакле «Бесприданница».

Почему Гриценко еще не овладела по-настоящему этим образом? Работе над этой труднейшей ролью мешает отсутствие четкого, ясного замысла, которому должна быть подчинена вся роль.

Гриценко обладает незаурядной и очень заразительной эмоциональностью и часто прежде всего старается добиться глубоко эмоционального звучания всех кусков роли. Но плохо, что актриса идет к этому, так сказать, прямым путем, впадая в «играние чувства». Она стремится во что бы то ни стало быть взволнованной, трепетной, и это приводит ее во многих сценах к нервозности, сентименту, нарушает правду образа.

Ведь Лариса Островского — это прежде всего натура волевая и гордая. Она появляется в первом акте собранная, решившаяся на брак с Карандышевым как на единственный выход из унижительного положения, в которое ее поставила несправедливость жизни. Гриценко же выходит на сцену страшно нервная, беспокойная. Многие реплики звучат почти